

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-204-216

В. П. Горан

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

goran@philosophy.nsc.ru

ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ СПИНОЗА, ДЕКЛАРИРУЯ БЕССМЕРТИЕ РАЗУМНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ?

Заострено внимание на наличии в V части «Этики» Спинозы на первый взгляд как будто взаимоисключающих друг друга утверждений: с одной стороны, о временном, причем бесконечном, продолжении существования разумной составляющей души человека после смерти его тела и, с другой, о ее смерти вместе с телом. Эта загадочная ситуация прояснена посредством ее соотнесения с XXIII главой наиболее раннего произведения Спинозы. Там он утверждает, что смертность всей души человека несомненна, если иметь в виду ситуацию ее соединенности только с его телом. А в контексте учета места любого человеческого индивидуума в картине универсума как целого разумная составляющая души человека оценивается Спинозой как неустрашимое и только в этом смысле вечное, неподвластное смерти условие существования бесконечной временной последовательности сменяющих друг друга человеческих поколений.

Ключевые слова: Спиноза, универсум, человек, тело, душа, разумная составляющая души, смертность тела и души человека, смертность тела и бессмертие разумной составляющей души человека.

В схолии теоремы 20 части V «Этики», отметив завершение обсуждения темы, которая была предметом внимания до этого, Спиноза объявляет: «...пора теперь перейти к тому, что касается временного продолжения (*duratio*) души безотносительно к телу» [1957, С. 604]¹. Как видим, Спиноза прямо и недвусмысленно утверждает именно

---

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

временное продолжение души человека после смерти его тела. Этим он как будто признает ее бессмертие в качестве существующей после смерти тела данного человека, т. е. продолжение ее существования уже без тела. Но ведь этим Спиноза фактически сам как будто отказывается от составляющих содержание первых двух теорем части II «Этики» важнейших составляющих всей его философской позиции, состоящих в том, что мышление и протяжение суть два именно атрибута субстанции (С. 404), т. е. всеобщих и неотъемлемых ее составляющих. Дело в том, что Спиноза без каких-либо оговорок утверждает: каждый из атрибутов «выражает вечную и бесконечную сущность», т. е. субстанцию (С. 362), так что все атрибуты, соответственно и атрибуты мышления и протяжения, только совместно присущи субстанции.

Человеческая душа, по Спинозе, это модус атрибута мышления, а человеческое тело – модус атрибута протяжения. А так как в приведенной выше схолии теоремы 20 части V «Этики» Спиноза утверждает, что один из модусов атрибута мышления (душа человека) продолжает существовать, когда соответствующий модус атрибута протяжения (тело этого же человека) прекратил существование, то этим он как будто проигнорировал собственное положение, что мышление есть всего лишь один из атрибутов субстанции, не существующий без всех иных, в том числе и без атрибута протяжения. Ведь атрибут, по Спинозе, есть не что иное, как полная совокупность всех его модусов. Действительно, в схолии теоремы 10 части I «Этики» он недвусмысленно утверждает о субстанции: «...все атрибуты, которые она имеет, всегда существовали в ней вместе» (С. 368). И несколько ниже, в «доказательстве» теоремы 28 части I «Этики» относительно любого из атрибутов субстанции, она же, не упуская это из виду, бог, Спиноза, подчеркнув, что «...кроме субстанции и модусов нет ничего», специально разъясняет: «а модусы... суть не что иное, как состояния атрибутов бога» (С. 386). Так что если модусы суть «состояния атрибутов», а атрибуты всегда существуют вместе, то и относительно духа и тела человека, как конкретных модусов, соответственно атрибутов мышления и протяжения, следует признать, что невозможно утверждать, будто отдельно от тела человека, а именно после его смерти, когда тело уже не существует, его дух продолжает существовать. Тем не менее Спиноза, как мы видели, делает такое утверждение. И этим он фактически как бы игнорирует собственное признание протяжения атрибутом субстанции. Ведь один из модусов атрибута мышления в согласии с этим утверждением как будто признается им существующим без соответствующего ему

модуса атрибута протяжения. А это не может не означать, что протяжение вовсе не есть атрибут субстанции. Ведь этим заявляется признание существования вещи, которая есть такой модус атрибута мышления, у которого нет соответствующего ему модуса в атрибуте протяжения.

Можно предположить, Спиноза сознавал, что ситуация у него складывается именно такая, ибо он все же признает особую связь души человека с телесностью и после смерти его тела. А именно, после смерти тела данного человека его душа, согласно Спинозе, сохраняет связь с телесностью через непосредственно бога. Спиноза утверждает это теоремой 22 части V «Этики»: *«Однако в боге необходимо существует идея, выражающая сущность того или другого человеческого тела под формой вечности»* (С. 605). Приведу также «Доказательство» этой теоремы. «Бог составляет причину не только существования того или другого человеческого тела, но также и его сущности..., которая поэтому необходимо должна быть представлена через самую сущность бога... и притом... с некоторой вечной необходимостью, и такое представление необходимо должно существовать в боге..., что и требовалось доказать» (С. 605). Заслуживает быть особо зафиксированным, что вечная, т. е. не ограниченная конечным временем существования тела человека, представленность не только существования души этого человека, но и ее сущности, мыслится здесь Спинозой как реализующаяся именно через сущность бога, причем с тоже «вечной необходимостью». Заостряю на этом внимание, но возвращусь к данной составляющей приведенного текста Спинозы только в конце статьи.

А теперь в связи с этой 22-й теоремой обратим внимание на то, что непосредственно предшествующей ей, а именно 21-й теоремой Спиноза недвусмысленно утверждал: *«Душа может воображать и вспоминать о вещах, прошедших, только пока продолжает существовать ее тело»* (С. 604). Как видим, наряду с признанием (теоремой 21) того, что душа человека реально функционирует (воображает и вспоминает) только пока существует ее тело, Спиноза сразу же после этого (теорема 22) утверждает также, что в боге существует, причем существует необходимо, «идея» (т. е. то, что имеет место в атрибуте мышления), выражающая только «сущность» данного конкретного человеческого тела, причем выражает она эту сущность «под формой вечности». Собственно «Доказательство» этого утверждения, составляющего саму теорему 22, у Спинозы сводится просто к более развернутому изложению его содержания, правда, с отсылками к ряду предшествующих теорем. Эти отсылки здесь опущены мной, а чтобы

у читателя не сложилось впечатление, что в них имеется нечто содержательно значимое, отмечаю: там указываются только номера этих теорем. Словом, впечатление такое, что дано не доказательство, а всего лишь разъяснение некоторых деталей содержания утверждения, имеющегося в формулировке теоремы.

А текст самой этой теоремы вызывает естественный вопрос. Если в боге, т. е. в мироздании, которое составляют единственно все атрибуты субстанции с их модусами и ничего более, существует идея, а именно, тоже конкретный модус атрибута мышления, причем идея, «выражающая сущность того или другого человеческого тела под формой вечности», то этому модусу атрибута мышления как будто не может не соответствовать столь же вечный модус атрибута протяжения – некая сущностная составляющая тела именно данного конкретного человека. А если такой вечной телесной составляющей данного конкретного человека в мироздании уже нет, то там тогда не может быть и соответствующей идеи. Однако возможность такого хода мысли Спиноза даже не упоминает. Более того, следующей, 23-й теоремой он утверждает как будто нечто прямо противоположное: *«Человеческая душа не может совершенно уничтожиться вместе с телом, но от нее остается нечто вечное»* (С. 605).

И весьма показателен способ доказательства Спинозой утверждаемого уже этой теоремой. Вот его начало. «В боге (по пред. т.) необходимо существует представление или идея, выражающая сущность человеческого тела и вследствие этого... необходимо составляющая нечто, относящееся к сущности души. Но мы приписываем человеческой душе продолжение, которое может быть определено временем, лишь постольку, поскольку она выражает действительное (актуальное) существование тела, которое выражается во временном продолжении и может быть определено временем, т. е. ... мы приписываем ей временное продолжение, только пока продолжает существовать тело» (С. 605). Зафиксируем, что в приведенной части этого «Доказательства» Спиноза рассуждает в полном соответствии со всем предшествующим содержанием своей «Этики», а именно, он утверждает здесь, что время существования у человеческой души такое же и настолько же конечное, как и у тела данного человека. А вот далее в продолжении «Доказательства» этой же теоремы он утверждает уже нечто совершенно иное. «Однако так как (по пред. т.) тем не менее существует нечто, что представляется с некоторой вечной необходимостью через самую сущность бога, то это нечто, относящееся к сущности души, будет необходимо вечно; что и требовалось доказать» (С. 605).

Как видим, Спиноза вполне сознает, что утверждаемое им в приведенной только что завершающей части «Доказательства» теоремы 23 признание вечности души каждого отдельного человека не соответствует тому, что он утверждал непосредственно перед этим в начальной его части. На это определенно указывает его двойная оговорка: (1) «однако» и (2) «тем не менее». Показателен и довод Спинозы в пользу признания вечности индивидуальной человеческой души. Снова, как и в теореме 22, этот довод состоит в том, что душа вечна «через самую сущность бога». Но ведь бог Спинозы – это мироздание в его целостности, в полной совокупности всего, что составляет мироздание. Только оно и его атрибуты вечны, согласно Спинозе, в их существовании. А душа человека – это один из конечных модусов атрибута мышления. И как все такие модусы она, как мы видели только что в начальной части «Доказательства» рассматриваемой сейчас теоремы, признается самим Спинозой именно смертной.

Уже и изложенного достаточно, чтобы, по меньшей мере зафиксировать наличие в завершающей, V части «Этики» Спинозы весьма странного для его строго рационалистической философской позиции сочетания взаимоисключающих друг друга признаний, с одной стороны, временной конечности, смертности, и, с другой – бесконечности, бессмертия, вневременного статуса человеческой души, конкретно разумной ее составляющей. Но и в последующих, 22-й и 23-й теоремах этой части «Этики» Спиноза, как мы видели, продолжает утверждать бессмертие человеческой души после смерти тела данного человека, ее существование «в боге». «В боге», не следует упускать из виду, означает у Спинозы не вне универсума. А одним из атрибутов, неотъемлемых особенностей бога-универсума, является протяженность, т. е. то, развертывание чего в виде последовательности модусов данного атрибута характеризуется Спинозой как телесность, материальность. Тем не менее текст 22-й теоремы гласит, что в универсуме все же существует идея, которая «выражает сущность» смертного человеческого тела, причем существует она «под формой вечности», другими словами, существует она не ведая смерти, вне течения времени, и, самое поразительное, при отсутствии этого тела.

Эта ситуация как бы напоминает признание Платоном особого, потустороннего всему телесному и, соответственно, смертному, мира идей, которые, как и в рассматриваемых здесь текстах Спинозы, тоже отличаются бестелесностью и вечностью в смысле неподвластности времени. Одно из отличий данной составляющей позиции Спинозы от концепции Платона состоит в том, что Спиноза и телесный мир квалифицирует не как всего лишь «тень» мира бестелесных идей,

а как сущностную составляющую мироздания в его целостности. Тем не менее декларирование Спинозой существования «под формой вечности» идеи тела без самого тела может быть оценено как весьма близкое платоновским представлениям о мире тоже бестелесных идей. Да и столь полная, безусловная отделенность у Спинозы друг от друга атрибутов протяжения, с одной стороны, и, с другой, мышления, к которому принадлежат охарактеризованные им как существующие под формой вечности идеи, тоже как бы напоминает платоновскую картину потусторонности мира бестелесных идей миру телесных вещей. Здесь я ограничиваюсь только констатацией возможности сопоставления соответствующих позиций Спинозы и Платона, на вдаваясь в анализ оснований наличия в них как общего, так и особенного.

Свое представление об идее, которая выражает «сущность тела», причем осуществляет это «под формой вечности», Спиноза развертывает в схолии 23-й теоремы. Действительно, там он утверждает следующее: «Эта идея, выражающая сущность тела под формой вечности, составляет, как мы сказали, некоторый модус мышления, относящийся к сущности души и необходимым образом вечный» (С. 605–606). Прежде чем обратиться к продолжению этой схолии, отмечу, что приведенная формулировка Спинозы весьма показательна. А именно, здесь он прямо утверждает: первое, что вечным он признает лишь «модус мышления»; второе, что его он характеризует как «относящийся к сущности души», а тем самым косвенно отнеся к смертным все другие составляющие души человека, конкретно те, функционирование которых отвечает за ощущения и эмоции.

Привожу теперь продолжение этой схолии. «Однако невозможно, чтобы мы помнили о своем существовании прежде тела, так как в теле не существует никаких следов его и так как вечность не может ни определяться временем, ни иметь ко времени какое-либо отношение. Но тем не менее мы чувствуем и внутренне сознаем, что мы вечны» (С. 606). Как видим, Спиноза прежде всего утверждает, что теперь он ведет речь о бессмертном существовании не той одной из сторон человеческой души, которая представляет собой общую для всех людей составляющую модуса мышления как атрибута субстанции. Речь у него в данном случае идет о бессмертном существовании того лишь в разумной составляющей человеческой души, что специфично для данного конкретного человека. Ведь Спиноза ведет здесь речь о том, что мы помним *о своем* существовании. Заслуживает также быть специально отмеченным признание Спинозой того, что «в теле» человека «нет никаких следов» существования

его души до рождения этого тела. И все же, даже несмотря на отсутствие таких следов, что специально подчеркнуто словами «тем не менее», Спиноза утверждает здесь: «мы чувствуем и внутренне сознаем, что мы вечны». А далее он приводит следующие доводы в пользу этого своего утверждения. «Ибо душа те вещи, которые она представляет, сознавая их разумом, чувствует не менее тех, которые она помнит. Ведь очами для души, которыми она видит и наблюдает вещи, служат самые доказательства. Поэтому хотя мы и не помним о своем существовании прежде тела, однако мы чувствуем, что душа наша, поскольку она заключает в себе сущность тела под формой вечности, вечна, и это существование ее не может быть определено временем или выражено во временном продолжении» (С. 606).

Как видим, Спиноза снова и снова возвращается к признанию вечного существованию души человека, причем каждого человека, и, более того, ее вечного существования не только после смерти тела данного человека, но и «прежде тела». И, тем не менее, завершает Спиноза рассматриваемую сейчас мною схолию следующим утверждением: «Следовательно, сказать про нашу душу, что она существует во временном продолжении, и определить ее существование известным сроком можно лишь постольку, поскольку она заключает в себе действительное (актуальное) существование тела; и лишь постольку она имеет способность определять существование вещей временем и представлять их во временном продолжении» (С. 606).

Если не игнорировать, а, напротив, сделать предметом самого пристального внимания, надеюсь, достаточно наглядно представленные приведенными выше текстами V части «Этики» Спинозы его неоднократные, а следовательно, настойчивые состыковки, с одной стороны, недвусмысленного признания им временной конечности пребывания в бытии не только тела, но и души человека, словом, смертности этой самой человеческой души, а с другой, столь же решительного и настойчивого подчеркивания ее бессмертия, вечности ее существования, причем не только после смерти тела данного конкретного человека, но и «прежде тела», то не может не быть признано, что столь определенно и, я бы сказал, демонстративно осуществляемое нашим философом сочетание содержательно взаимоисключающих друг друга утверждений не может не актуализировать задачу объяснения такой его позиции. Ситуация усугубляется еще и тем, что сами по себе приведенные тексты «Этики», наглядно демонстрируя сосуществование таких утверждений, не раскрывают, что же стоит у Спинозы за этой столь загадочной демонстрацией. Хотя определенные, можно сказать, намеки на то, что стоит за этим, они все же содержат. Но по-

нять эти намеки и даже оценить их как именно такие намеки весьма непросто, если уже не разгадал эту загадку, разгадал, разумеется, при самом непосредственном содействии Спинозы.

Дело в том, что тайна сосуществования рассматриваемых, на первый взгляд взаимоисключающих друг друга утверждений была раскрыта самим Спинозой, но в его более раннем, чем «Этика», более того, самом раннем из всех его произведений – в «Кратком трактате о Боге, человеке и его счастье». Там, во «Второй части» трактата есть XXIII глава, которая так и называется «О бессмертии души». В самом ее начале Спиноза утверждает: «Если мы внимательно посмотрим, что такое душа и отчего происходит ее изменчивость и продолжительность, то легко увидим, смертна она или бессмертна» (С. 156). И далее наш философ ведет речь о душе человека как возникшей, а следовательно, не существующей от века и отнюдь не независимой в своем существовании от тела данного человека. «Душа... есть идея, заключающаяся в мыслящей вещи и возникшая из существования вещи, находящейся в природе. Отсюда следует, что, смотря по устойчивости и изменению вещи, должна быть устойчива и изменчива душа» (С. 156).

Как видим, и здесь Спиноза ясно и недвусмысленно исходит из того, что душа человека как именно возникшая должна быть устойчива и изменчива не сама по себе, а «по устойчивости и изменчивости» тела. Фактически столь своеобразными формулировками утверждается, что у человека как мыслящей «вещи», которая смертна, и душа не может не быть тоже смертной. А далее Спиноза признает «соединение» души человека не только с его телом, но и с богом. И именно это служит у него основанием двойственного решения вопроса о смертности и бессмертии души человека. Вот соответствующий текст самого Спинозы: «При этом мы заметили, что душа может быть соединена с телом, идею которого она представляет собой, или с богом, без которого она не может ни существовать, ни быть понята» (С. 156). Здесь Спиноза отчетливо заявляет, что он ведет речь о двух, так сказать, объектах, с которыми «соединена» душа индивидуального природного существа, т. е. человека. А именно, душа конкретного человека соединена, во-первых, с его телом, но не только. Она, во-вторых, также соединена с богом, т. е. со всем универсумом, поскольку данный конкретный человек есть непременная и неустрашимая составляющая универсума. Так что вне принадлежности этому универсуму не может существовать как весь человек в целом, так, соответственно, и его душа.

А далее Спиноза делает из этого следующие выводы: «Из этого легко видеть: 1. Что, поскольку она (душа. – В. Г.) соединена только с телом, а тело преходяще, она должна быть также преходяща; ибо, когда она лишается тела как основы своей любви, она должна погибнуть вместе с ним. Но

2. Поскольку она связана с другой вещью, которая неизменна и остается таковой, она, напротив, должна быть также неизменна и постоянна» (С. 156). Эта «другая вещь» – универсум в его целостности. Именно он, согласно Спинозе, отличается неизменностью. Более того, неизменностью характеризуется у него и место любой из конкретных в их неизменной временной последовательности составляющих универсума. Так что утверждение о неизменности души каждого конкретного человека означает здесь признание неизменности, ни мало ни много в вечности, ее места в неизменной, тоже в вечности, последовательности «вещей», образующих в их полной совокупности универсум как целое.

И Спиноза следующими фразами поясняет эту ситуацию: «Ибо как она (душа. – В. Г.) могла бы погибнуть? Не сама по себе: ибо, подобно тому как она не могла возникнуть сама собой, когда не существовала, так и теперь, существуя, она не может измениться или погибнуть. Таким образом, то, что одно составляет причину ее существования, должно (в случае ее гибели) также быть причиной ее несуществования, именно тогда, когда оно само изменяется и исчезает» (С. 156). Последними фразами приведенного текста Спиноза подчеркивает полную зависимость и начала, и прекращения бытия души конкретного индивидуума не от нее самой, а от внешних по отношению к ней причин, соответственно, как ее появления на свет, так и исчезновения. И именно эта, оцениваемая Спинозой как абсолютная, безусловная, зависимость и вхождения в существование, и выхода из него души каждой человеческой индивидуальности делает ее неустрашимым, вечным звеном в неизменной последовательности вещей, составляющей в своей полной совокупности универсум. В этом смысле Спиноза и говорит о вечности мыслящей составляющей души каждого человека, причем вечности как в бесконечной ретроспективе универсума в прошлое, так и в бесконечной его перспективе в будущем.

Так что эта 23-я глава самого раннего «трактата» Спинозы дает основание следующим образом интерпретировать рассмотренные выше теоремы заключительной части его «Этики», фактически итогового его произведения. Декларированное Спинозой и в самом раннем его произведении, и в «Этике» бессмертие разумной составляющей души каждого человеческого индивидуума есть, в понимании наше-

го философа, абсолютная неизменность места конечного временного промежутка ее существования в бесконечной последовательности тоже конечных временных отрезков существования сменяющих друг друга во времени всех других человеческих душ.

Близкую к этому моему выводу трактовку ситуации с сочетанием признания Спинозой как смертности, так и бессмертия человеческой души давал еще в 1983 г. англоязычный исследователь его философии А. Гилеад, с которым в данном вопросе солидарен и наш отечественный автор А. Д. Майданский. Действительно, в работе «Логический метод Спинозы» Майданского читаем следующее: «В последнем счете всякая единичная вещь детерминируется всей совокупностью единичных вещей и, в свою очередь, детерминирует все остальные вещи в “порожденной Природе”. В этом смысле она, несмотря на ее конечное и ограниченное бытие, является *постоянным и вечным* условием бесконечного бытия Природы, взятого в целом» [2012. С. 208]. Давая эту свою оценку ситуации с признанием Спинозой конечности бытия всякой единичной вещи как постоянного и вечного условия, именно взятого в его целостности бытия природы, Майданский приводит цитату А. Гилеада из его статьи «Spinoza's principium individuationis and personal identity», опубликованной в «International studies in philosophy», 15, 1983. Часть этой цитаты составляют следующие слова непосредственно о соответствующей позиции Спинозы: «Каждая из... частных вещей обусловлена Целым; с другой стороны, каждая обусловливает Целое» (см.: [Майданский, 2012. С. 208]).

Вернусь теперь к самому первому процитированному мной в начале данной статьи тексту Спинозы, а именно, к схолии теоремы 20-й части V его «Этики», где он объявляет переход к теме, еще раз процитирую, «временного продолжения души безотносительно (*sine relatione*) (этот латинский оригинал данной составляющей текста Спинозы приведен по: [Spinoza, 2011. P. 1580]) к телу». Теперь, в соответствии с выявлением того, какое временное продолжение души имел в виду Спиноза, становятся понятными и его слова «безотносительно к телу». Они означают всего лишь «без отнесения» (таков буквальный перевод латинского выражения *sine relatione*) к телу, т. е. *абстрагируясь* от того, что душа и тело в человеке составляют неразрывное целое.

Пришло также время выполнить данное в начале статьи обещание вернуться к высказанному Спинозой в «Доказательстве» теоремы 22 части V «Этики» утверждению, что именно вечность и существования, и сущности каждого человеческого индивидуума «должна быть представлена через самую сущность бога». В свете изложенного Спи-

нозой в XVIII главе его «Краткого трактата о Боге, человеке и его счастье» представляется очевидным, что и в «Этике» речь у него идет не о признании вечности продолжения реального существования души человека после смерти его тела, а только о том, что в действительности конечное по времени ее существование есть неустранимое, и только в этом смысле вечное, звено бесконечной последовательности поколений конечных человеческих существ.

Остается выяснить, почему Спиноза вел речь о бессмертии в уточненном выше смысле всего лишь души, да и то только ее разумной составляющей, а не всего остального в человеке как единстве его души и тела. Ключевым для прояснения этой специфики его позиции является его вывод, что у каждого человека как существа именно разумного имеется не непосредственно память о своем существовании до рождения, а всего лишь некоторое впечатление, будто то, что он сознает себя существующим, уже ему как бы знакомо. Действительно, в схолии теоремы 23 части V «Этики» Спиноза, говоря об идее, выражающей «сущность тела под формой вечности», констатирует как факт (еще раз обращаю на это внимание читателя) невозможность того, «чтобы мы помнили о своем существовании прежде тела, так как в теле не существует никаких следов его», и все же утверждает: «Но тем не менее мы чувствуем и внутренне сознаем, что мы вечны» (С. 606). И именно разумная составляющая души человека, как считает Спиноза, обеспечивает способность ее *чувствовать* это. Что он и утверждает следующей фразой: «Ибо душа те вещи, которые она представляет, сознавая их разумом, чувствует не менее тех, которые она помнит» (С. 606).

Таким образом, наличие лично у Спинозы впечатления, что он реально существовал и до осознаваемого им в определенный момент времени факта своего существования, может определяться, на мой взгляд, тем, что он исходит из самоидентичности именно разумной составляющей души человека. Это видно уже из только что приведенных его высказываний, в которых у него фигурирует именно разум человека. Такая же ситуация имеет место и в «Доказательстве» теоремы 7 части V «Этики», поскольку оно содержит следующее утверждение: «Аффект..., возникающий из разума, необходимо относится к общим свойствам вещей..., на которые мы всегда смотрим, как на наличные» (С. 595). Так что осознание разумной составляющей души человека собственного существования, действительно имеющего место на момент такого осознания, мыслится Спинозой как не отличающееся от такого же осознания ею ее существования, которое имело место у нее и ранее. Это и могло послужить для него

основанием утверждения, что мы именно «чувствуем..., что мы вечны».

Список литературы

Майданский А. Д. Логический метод Спинозы // Читая Спинозу / Сост. А. Д. Майданский. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2012. С. 178–293.

Спиноза Б. Избр. произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1.

Baruch Spinoza. Tutte le opere. Testi originali a fronte / A cura di Andrea Sangiacomo. Printed in Italy, «La Tipografica Varese S.p.A.», 2011.

Материал поступил в редколлегию 18.01.2018

V. P. Goran

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

goran@philosophy.nsc.ru

WHAT DID SPINOZA MEAN BY DECLARING IMMORTALITY OF THE INTELLIGENT COMPONENT OF THE HUMAN SOUL?

The attention is focused on the presence in V part of the Spinoza's «Ethics» of what, at first sight, seems to be mutually exclusive statements. On the one hand, it is a statement on the temporal and infinite continuation of the existence of the reasonable component of the human soul after the death of the body and, on the other, on its death together with the body. This mysterious situation is clarified through its correlation with the XXIII chapter of Spinoza's earliest work. There he argues that the mortality of the whole soul of a person is unquestionable, if one has in mind the situation of its connection only with his body. And, taking into account the place of any human individual in the picture of the universe as a whole, the rational component of the human soul is estimated by Spinoza to be an ineradicable and, in this sense, eternal, death-defying condition for the existence of an infinite time sequence of successive human generations.

Keywords: Spinoza, the universe, man, body, soul, the rational component of the soul, the mortality of the human body and soul, the mortality of the body and the immortality of the rational component of the human soul.

References

Maidansky A. D. Logicheskii metod Spinozy [Logical method of Spinoza]. *Chitaia Spinozu* [Reading of Spinoza] / Compiler: A. D. Maidansky. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2012, p. 178–293. (In Russ.)

Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya*: V 2 t. [Selected Works: In 2 vols]. Moscow, Gos. Izd-vo politicheskoi literatury, 1957, vol. I. (In Russ.)

Baruch Spinoza. *Tutte le opere. Testi originali a fronte* / A cura di Andrea Sangiacomo. Printed in Italy, «La Tipografica Varese S.p.A.», 2011.